

Генрих Жомини

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА В ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ

ХРОНИКИ

ВОЕННЫХ

СРАЖЕНИЙ

Генрих Жомини

Стратегия и тактика

в военном искусстве

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=618025

Стратегия и тактика в военном искусстве / Пер. с англ. Л.А.

Игоревского: Центрполиграф; Москва; 2009

ISBN 978-5-9524-4237-5

Аннотация

Барон Генрих Жомини начал военную карьеру в Швейцарии, затем поступил во французскую армию, участвовал в наполеоновских походах, был начальником штаба маршала Нея, а в 1813 г. перешел на службу в русскую армию. Подробно рассматривая все аспекты, присущие теории и практике войны, Жомини предлагает анализ стратегических проблем, сопутствующих различным театрам и полям боевых действий, тактики наступления и обороны, неожиданных маневров, специальных операций, уделяет внимание важности разведки и развертывания сил, организации тыла и снабжения, роли инженерных сооружений и влиянию на ход военных событий дипломатии. Классический труд Жомини не только неоценимый исторический памятник, но и непревзойденное фундаментальное исследование по стратегии и тактике ведения войны, высоко

оцененное специалистами и, безусловно, интересное для всех, кого волнует история развития военной мысли.

Содержание

Краткое изложение искусства войны	5
Определение разделов искусства войны	5
Глава 1	7
Параграф I	11
Параграф II	13
Параграф III	15
Параграф IV	16
Параграф V	17
Параграф VI	23
Параграф VII	28
Параграф VIII	36
Параграф IX	47
Параграф X	49
Глава 2	53
Параграф XI	55
Параграф XII	59
Параграф XIII	63
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Генрих Жомини

Стратегия и тактика в военном искусстве

Краткое изложение искусства войны

Определение разделов искусства войны

Считается, что искусство войны состоит из пяти чисто военных разделов, а именно: стратегии, большой тактики, логистики, инженерного искусства и тактики. Шестой, и существенный раздел, до сих пор не признанный, можно было бы выразить термином *дипломатия в ее отношении к войне*. Несмотря на то что этот раздел более естественно и тесно связан с профессией государственного деятеля, чем солдата, нельзя отрицать, что если он бесполезен для подчиненного генерала, без него не обойтись любому командующему армией генералу. Этот раздел включен во все комбинации, которые могут привести к войне, и имеет отношение к различ-

ным операциям, предпринимаемым в этой войне; и с этой точки зрения ему есть место в подобных делах.

Суммируя, можно сказать, что искусство войны состоит из шести отчетливо обозначенных частей:

1. Искусства управления государством в его отношении к войне.
2. Стратегии, или искусства умелого управления массами людей на театре войны, как в обороне, так и при вторжении.
3. Большой тактики.
4. Логистики, или искусства перемещения армий.
5. Инженерного искусства – в атаке и в обороне укреплений.
6. Малой тактики.

Предлагается проанализировать принципиальные комбинации первых четырех разделов, опуская рассмотрение тактики и инженерного искусства.

Близкое знакомство со всеми этими частями не так важно для того, чтобы быть хорошим пехотным, кавалерийским или артиллерийским офицером, но для генерала или штабного офицера эти знания необходимы.

Глава 1

Искусство управления государством в его отношении к войне

Под этим заголовком помещены те соображения, из которых государственный деятель заключает, является ли война уместной, своевременной или необходимой, и определяет различные операции, необходимые для того, чтобы достигнуть цели войны.

Правительство прибегает к войне:

- для восстановления определенных прав или отстаивания их;
- защиты и сохранения глобальных интересов государства, таких как торговля, производство или сельское хозяйство;
- поддержки соседних государств, существование которых необходимо для безопасности правительства либо для баланса сил;
- с целью выполнения обязательств в рамках наступательных и оборонительных союзов;
- распространения политических или религиозных теорий, их вытеснения или их защиты;

- повышения влияния и силы государства путем овладения территориями;
- защиты государства при угрозе его независимости;
- мести за оскорбленную честь;
- из страсти к завоеваниям.

Можно заметить, что эти различные виды войны в определенной степени влияют на природу и масштаб усилий и операций, необходимых для предлагаемой цели. Сторона, которая развязала войну, может склониться к оборонительным действиям, а подвергшаяся нападению сторона может перейти в наступление; и могут быть другие обстоятельства, которые повлияют на характер и ведение войны, такие как:

- Государство может просто вести войну против другого государства.
- Государство может вести войну против нескольких государств, находящихся в союзе друг с другом.
- Государство в союзе с другим государством может вести войну против единственного противника.
- Государство может быть главной или вспомогательной стороной.
- В последнем случае государство может включиться в войну в ее начале или после того, как она уже началась.
- Театр войны может находиться на земле противника, на земле союзника или на своей собственной земле.
- Если это война вторжения, она может происходить на смежной или отдаленной территории; она может быть сдер-

жанной и осторожной, или она может быть дерзкой и рискованной.

– Это может быть национальная война, либо против нас самих, либо против врага.

– Война может быть гражданской или религиозной.

Война всегда ведется в соответствии с великими принципами искусства, но огромная свобода действий может проявляться в характере предпринимаемых операций, что может зависеть от обстоятельств в каждом данном случае.

Например, двести тысяч французов, желая покорить испанцев, объединившихся против них вокруг одного человека, не стали бы совершать маневр таким же образом, как такое же количество французов в марше на Вену или любую другую столицу, чтобы утвердить мир. Подобным же образом и французская армия не стала бы сражаться с партизанами Мины (Франциско Мина, 1782–1836, генерал, командир испанских партизан – герильеров в 1808–1813 гг. – *Ред.*), так же как она сражалась против русских у Бородина. Не рискнула бы французская армия и совершить марш на Вену, не обсудив то, каким может быть тон и характер реакции правительств и государств между реками Рейн и Инн или между Дунаем и Эльбой. Полк всегда должен сражаться почти таким же образом, но командующие генералы должны исходить из обстоятельств и развития событий.

К этим различным комбинациям, которые в большей или

меньшей степени принадлежат к искусству управления государством, могут быть добавлены другие, которые имеют отношение исключительно к управлению армиями. Их обозначают термином военная политика, потому что они не относятся ни исключительно к дипломатии, ни к стратегии, но все равно имеют величайшей важности значение в планах как политических деятелей, так и генералов.

Параграф I

Наступательные войны для восстановления прав

Когда одно государство имеет притязания к другому, принуждение с использованием оружия может не всегда оказаться наилучшим способом их реализации. Следует узнать общественное мнение до начала боевых действий.

Самой справедливой войной является такая, которая обоснована отстаиванием неоспоримых прав и которая к тому же обещает государству преимущества, соизмеримые с сопутствующими ей жертвами и опасностями. К сожалению, в наше время существует так много сомнительных и оспариваемых прав, что большинство войн, хотя, по всей видимости, основываются на притязаниях на права наследства, или завещания, или права по браку, на самом деле являются войнами целесообразности. Вопрос передачи по наследству испанской короны при Людовике XIV был совершенно ясен, поскольку он был однозначно разрешен официальным завещанием, что подкреплялось фамильными узами и общим одобрением испанского народа. Однако это решительно оспаривалось всей Европой и привело к возникновению широкой коалиции против законного наследника (Война за испанское наследство 1701–1714 гг. – *Ред.*).

Фридрих II в период, когда Австрия и Франция находились в состоянии войны, выдвинул старое требование, вторгся с войсками в Силезию и в 1740–1742 годах захватил эту провинцию, удвоив тем самым мощь Пруссии. Это был гениальный ход; и даже, если бы прусский король потерпел поражение, его бы не сильно осуждали, потому что грандиозность и важность предприятия оправдывали такую попытку (насколько подобные предприятия могут быть оправданны).

В войнах такого характера не устанавливается никаких правил. Увидеть и извлечь выгоду из любой ситуации – и больше тут нечего сказать. Наступательные действия должны соответствовать достижению поставленной цели. Самым естественным шагом было бы занятие спорной территории; затем наступательные операции могут вестись в соответствии с обстоятельствами и силами сторон. Целью становится обеспечение передачи территории противником, а средствами – угроза ему в сердце его собственной страны. Все зависит от союзов с другими государствами, которые смогут обеспечить себе воюющие стороны, а также от их военных ресурсов. В наступательных действиях должна быть проявлена скрупулезность в том, чтобы не вызвать ревность какого-либо другого государства, которое могло бы прийти на помощь противнику. Долг государственно – го деятеля предвидеть такую возможность и устранить ее, давая надлежащие разъяснения и гарантии другим государствам.

Параграф II

Войны оборонительные в политическом отношении и наступательные – в военном

Одно государство, подвергшееся нападению со стороны другого государства, которое вновь заявило о прежних притязаниях, редко идет на уступки без войны. Оно предпочитает защищать свою территорию, что всегда более почетно. Но оно может получить преимущества, прибегнув к наступлению вместо того, чтобы ожидать нападения на свои границы.

Всегда есть преимущества в войне вторжения: есть также преимущества в ожидании противника на своей собственной земле. Держава, в которой нет внутренних раздоров и опасений нападения третьей стороны, всегда найдет преимущество в том, чтобы вести войну на вражеской территории. В этом случае ее территория будет сохранена от разорения, война будет вестись за счет противника, ее солдаты будут полны энтузиазма, а дух противника будет подавлен. Тем не менее в чисто военном смысле нет сомнения, что армия, действующая на своей собственной территории, на театре, все естественные и искусственные особенности которого хорошо известны, где всем передвижениям способствует знание

страны, лояльность жителей и помощь законных властей, обладает огромными преимуществами.

Эти азбучные истины подходят для всех описаний войны, но если принципы стратегии всегда одни и те же, иначе обстоит дело с политической частью войны, которая меняется в зависимости от настроения в государствах, населенных пунктах и характера людей во главе государств и армий. Факт существования этих изменений используется для доказательства того, что война не знает правил. Военная наука опирается на принципы, которые никогда не могут быть произвольно нарушены в присутствии активного и опытного противника, в то время как моральная и политическая части войны представляют эти варианты. Планы операций составляются так, как того требуют обстоятельства; для осуществления этих планов следует обратить внимание на великие принципы войны.

Например, план войны против Франции, Австрии или России будет сильно отличаться от плана ее ведения против храбрых, но недисциплинированных турок. Их невозможно приучить к порядку, они не способны хорошо маневрировать и теряют самообладание в случае неудачи.

Параграф III

Целесообразные войны

Вторжение в Силезию Фридриха II в 1740–1742 годах и Война за испанское наследство 1701–1714 годов были целесообразными войнами.

Существует два вида целесообразных войн: во-первых, когда сильное государство прибегает к войне для обретения естественных границ из соображений торговли и политики; во-вторых, чтобы избавить державу от опасного соперника или предотвратить его усиление. Этот последний вид относится к войнам интервенции, потому что государство редко нападает на опасного соперника в одиночестве: оно будет стараться сформировать с этой целью коалицию.

Эти взгляды принадлежат скорее к искусству управления государством, чем к войне.

Параграф IV

О войнах с союзниками и без них

Конечно, в войне весьма желательно, чтобы был союзник (при всех прочих равных условиях). Несмотря на то что сильное государство с большей вероятностью достигнет успеха, чем два слабых государства в союзе против него, все-таки в союзе они сильнее, чем поодиночке. Союзник не только предоставляет воинский контингент, но, кроме того, неимоверно раздражает противника, угрожая части его границ, которые в ином случае были бы в безопасности. Вся история учит, что ни один противник не является настолько значительным, как тот, которого презирает и игнорирует какая бы то ни было держава, пусть даже и грозная.

Параграф V

Интервенции

Вмешательство в уже начавшуюся борьбу обещает больше преимуществ для государства, чем война в любых других обстоятельствах, и причина очевидна. Держава, которая вмешивается, бросает на одну чашу весов весь свой вес и влияние; она вмешивается в самый подходящий момент — когда может решающим образом использовать свои ресурсы.

Есть два вида интервенций: 1) вмешательство во внутренние дела соседних государств; 2) вмешательство во внешние отношения.

Что бы ни говорилось относительно морального характера вмешательств первой категории, примеров тому много. Римляне обрели свою мощь благодаря таким вмешательствам, а империя английской Ост-Индской компании была обеспечена подобным же образом. Эти вмешательства не всегда успешны. Если Россия стала сильнее за счет интервенции в Польше (имеется в виду подавление восстания Тадеуша Костюшко в 1794, после чего последовал третий раздел Польши (1795). — *Ред.*), Австрия, напротив, едва не погибла в своей попытке вмешаться во внутренние дела Франции во время революции.

Вмешательство во внешние отношения государств более легитимно и, может быть, более выгодно. Можно ставить под

сомнение, имеет ли право одна нация вмешиваться во внутренние дела другой, но она, конечно, имеет право противодействовать ей, если та распространяет хаос, который может перекинуться на соседние государства.

Есть три причины для вмешательства во внешние войны за рубежом: 1) из-за договора, который обязывает оказывать помощь; 2) для поддержания политического равновесия; 3) во избежание определенных тяжких последствий уже развязанной войны или для извлечения определенных выгод из войны, которые не могут быть получены в ином случае.

В истории полно примеров падения государств, которые игнорировали эти принципы. «Государство начинает приходить в упадок, когда оно допускает чрезмерное усиление соперника, и второстепенная держава может стать судьей наций, если бросит свой вес на чашу весов в подходящее время».

С военной точки зрения представляется ясным, что неожиданное появление новой и большой армии в качестве третьей стороны в войне тех, кто уже втянулся в противоборство, может быть решающим. Многое будет зависеть от ее географического положения по отношению к армиям, уже находящимся на поле боя. Например, зимой 1807 года Наполеон форсировал Вислу и рискнул подойти к стенам Кёнигсберга, оставив позади себя Австрию и имея перед собой Россию. Если бы Австрия перебросила тогда стотысячную армию из Богемии (Чехии), не исключено, что мощи Напо-

леона пришел бы конец; есть все основания полагать, что его армия не смогла бы снова возвратиться на Рейн. Австрия предпочла ждать до тех пор, пока не поставит под ружье четыреста тысяч солдат. Два года спустя (1809) с этими силами она вышла на поля сражений и была разбита, в то время (1807) как сто тысяч солдат, введенные в сражение в подходящее время, могли бы решить судьбу Европы.

Есть несколько видов войны как результат этих двух различных вмешательств:

- 1) там, где вмешательство является просто вспомогательным, силами, определенными прежними договорами;
- 2) там, где вмешательство призвано поддержать слабого соседа, защищая его территорию и перенося, таким образом, арену войны на чужую территорию;
- 3) государство вмешивается в качестве главной стороны, когда находится вблизи театра войны, что предполагает вариант создания коалиции нескольких держав против одной;
- 4) государство вмешивается либо в уже развязанную борьбу, либо до объявления войны.

Когда государство вмешивается лишь небольшим воинским контингентом, соблюдая условия договора, оно выступает лишь как пособник и не играет большой роли в основных операциях, но когда оно вмешивается в качестве главной стороны и с внушительной воинской силой, дело совершенно иное.

Военные возможности в этих войнах разнообразны. Рус-

ская армия в Семилетней войне была фактически вспомогательной для Австрии и Франции, однако она выступала главной военной силой на севере, оккупируя эту часть Пруссии. Но генералы Фермор и Салтыков, приведя русскую армию к самому Бранденбургу, действовали исключительно в интересах Австрии: судьба этих войск, вдали от их базы, зависела от того, насколько удачными или неудачными были действия войск их союзников.

Такие дальние экспедиции являются опасными и в основном щекотливыми операциями. Кампании 1799 и 1805 годов являются печальной иллюстрацией этого, к чему мы еще вернемся в параграфе XXIX при обсуждении военного характера экспедиций.

Отсюда вытекает, что безопасность армии может быть поставлена под угрозу этими дальними интервенциями. Уравновешивающим преимуществом является то, что своя собственная территория не может быть легко подвергнута вторжению, поскольку арена военных действий находится далеко; поэтому то, что может обернуться бедой для данного генерала, до известной степени будет преимуществом для государства.

В войнах такого характера главное – это обезопасить генерала, который является как государственным деятелем, так и солдатом; иметь четкие соглашения с союзниками относительно участия каждого из них в главных операциях; наконец, согласиться с конечной целью, которая будет отвечать

общим интересам. При игнорировании этих мер предосторожности огромное число коалиций распадалось или увязало в трудной борьбе с более сплоченной, но более слабой, чем союзники, державой.

Третий вид интервенции, который состоит во вмешательстве всеми силами государства и вблизи его границ, более обещающий, чем другие. У Австрии была возможность такого рода в 1807 году, но ей не удалось извлечь из этого выгоду – у нее опять появилась такая возможность в 1813 году. Наполеон как раз собрал свои силы в Саксонии, когда Австрия, атакуя его фронт боевых действий с тыла (а с «фронта» на Наполеона наступали русские и примкнувшие к ним пруссаки), бросилась в битву с двумястами тысячами солдат с почти блестящими шансами на успех. Она за два месяца отовоевала Италию и вернула свое влияние в Германии, которое было потеряно в течение пятнадцати лет неудач. В этой интервенции у Австрии были не только политические, но и военные шансы, благоприятствовавшие ей, – двойной результат в сочетании с величайшими преимуществами.

Ее успех еще более укреплялся тем фактом, что в то время, как театр войны находился довольно близко к ее границам для того, чтобы обеспечить максимально возможное развертывание сил, она в то же время вмешалась в уже завязавшуюся борьбу. В нее она вступила со всеми своими ресурсами и в наиболее удобный для себя момент.

Это двойное преимущество настолько решающе, что поз-

воляет не только сильным монархиям, но даже малым государствам оказывать контролирующее влияние, когда они знают, как извлечь из этого выгоду.

Два примера могут это подтвердить. В 1552 году курфюрст Мориц Саксонский смело объявил войну Карлу V, который был правителем Испании и Священной Римской империи (Германия и Италия), причем в 1525 году Карл V победил французского короля Франциска I. Этот шаг привел к войне в Тироле и остановил великого завоевателя на взлете (Карл V проиграл борьбу с коалицией германских князей).

В 1706 году герцог Савойи Виктор Амадей, объявив себя врагом Людовика XIV, изменил положение дел в Италии и стал причиной отъезда французской армии от реки Адидже к стенам Турина, где она потерпела полное поражение, увековечившее имя принца Евгения Савойского.

Достаточно было сказано, чтобы проиллюстрировать важность эффекта этих благоприятных интервенций; можно привести новые примеры, но они ничего больше не добавят для того, чтобы убедить читателя.

Параграф VI

Агрессивные войны ради завоеваний и по другим причинам

Существует два вида вторжения: при одном нападении подвергается соседнее государство; при другом – отдаленный пункт, то есть – вторжение на территорию большой протяженности, жители которой могут быть нейтральными, колеблющимися или враждебными.

Завоевательные войны, к сожалению, всегда удачливые, что в полной мере доказали на волне своих успехов Александр Македонский, Цезарь и Наполеон. Однако существуют естественные ограничения в этих войнах, которые не могут быть преодолены без того, чтобы не навлечь на себя большую беду. Камбис в Вавилонии около 525 года до н. э., Дарий в Скифии в 512 году до н. э., Красс в Парфии в 53 году до н. э. и император Юлиан Отступник в Иране в 363-м и Наполеон в России в 1812 году предоставили кровавые доказательства этой истины. Любовь к завоеваниям, однако, была не единственным мотивом у Наполеона: его личная позиция и его соперничество с Англией подвигли его на предприятия, целью которых было сделать его великим. Это правда, что он любил войну и ее возможности, но он также был жертвой необходимости быть успешным в своих усилиях или в

том, чтобы уступить Англии. Можно было бы сказать, что Наполеон послан в этот мир, чтобы учить генералов и государственных деятелей, чего им следует избегать. Его победы учат тому, чего можно достичь активностью, храбростью и мастерством, а его провалы тому, чего можно было бы избежать, проявив благоразумие.

Война вторжения без убедительной причины – подобно той, которую вел Чингисхан, – является преступлением против человечества, но она может быть прощена, если не оправданна, если вызвана великими интересами или если ведется с хорошей мотивацией.

Вторжения в Испанию в 1808 и 1823 годах равно отличались друг от друга, как по цели, так и по результатам: первое было хитрым и вероломным нападением, которое угрожало существованию испанской нации и было роковым для его инициатора. Второе, сражаясь против опасных принципов, продвигало общие интересы страны и было с большей готовностью приведено к успешному завершению, потому что его цель нашла одобрение народа, территория которого подверглась вторжению.

Эти примеры показывают, что вторжения не обязательно все носят один и тот же характер. Первое много способствовало падению Наполеона; второе восстановило отношения между Францией и Испанией, которые никогда не должны были быть изменены.

Допустим, что вторжения будут случаться редко. Но все-

таки лучше нападать, чем подвергнуться вторжению; и не будем забывать, что самый надежный способ остановить дух завоевания и узурпации состоит в том, чтобы противодействовать ему вмешательством в подходящий момент.

Вторжение для того, чтобы оно было успешным, должно быть соизмеримо в масштабах по отношению к цели, которой предполагается достичь, и к препятствиям, которые придется преодолевать.

Вторжение против разгневанного народа, готового идти на любые жертвы, и при вероятности получения поддержки со стороны сильного соседа – опасное предприятие. Это хорошо видно на примере войны в Испании (1808) и революционных войн в 1792, 1793 и 1794 годах. В этих последних войнах, если Франция была лучше подготовлена, чем Испания, то она не имела сильного союзника и была атакована всей Европой, как на суше, так и на море.

Хотя обстоятельства были иными, вторжение русских в Турцию развило в некотором отношении те же симптомы национального сопротивления. Религиозная ненависть турок была для них мощным стимулом к вооруженному сопротивлению. Однако война 1828–1829 годов доказала, что Турция была грозной только на границах, где находились ее наиболее храбрые войска, в то время как в глубине все они были слабы. (Исход войны решил Дибич, который, оставив заслоны против турецкой армии в Шумле, рванул через Балканы к Константинополю в августе 1829 г. Турки впали в шо-

ковое состояние и 2 сентября подписали мир. — *Ред.*).

Когда вторгнувшимся на соседнюю территорию войскам нечего бояться, кроме ее жителей, принципы стратегии определяют ход вторжения. Эмоциональная реакция народных масс сразу же выплеснулась при вторжениях в Италию, Австрию и Пруссию. (Военные аспекты этого рассматриваются в параграфе XXIX). Но когда вторжение происходит в отдаленном месте и интервенции подвергаются обширные территории, успех будет больше зависеть от дипломатии, чем от стратегии. Первый шаг к обеспечению успеха будет состоять в том, чтобы сохранить искренний и преданный союз с государством, соседствующим с противником. Это позволит решить задачу пополнения войск и, что еще более важно, обеспечит надежную базу операций, склады снабжения и безопасное убежище в случае катастрофы. Союзник должен быть столь же заинтересован в успехе, как и тот, кто совершает вторжение, чтобы сделать все это возможным.

Дипломатия, если она имеет почти решающее значение в дальних экспедициях, не бесполезна и во вторжениях в соседние государства, поскольку тут враждебная интервенция может стать тормозом для самых блестящих успехов. Вторжения Наполеона в Австрию в 1805 и 1809 годах могли бы завершиться иначе, если бы вмешалась Пруссия. Вторжение французов на север Германии в 1807 году было, так сказать, допущено Австрией. Вторжение в Румелию в 1829 году (русских войск. — *Ред.*) могло закончиться катастрофой

(для Османской империи. — *Ред.*), если бы мудрыми политическими решениями путем переговоров не была исключена всякая возможность интервенции.

Параграф VII

Войны за убеждения

Несмотря на то что войны за убеждения, национальные войны и гражданские войны иногда смешивают, они в достаточной мере отличаются друг от друга, для того чтобы сказать о них отдельно.

Войны за убеждения могут быть как внутренними, так и зарубежными, и, наконец (что, однако, бывает редко), они могут быть зарубежными или внешними, не являясь внутренними или гражданскими.

Войны за убеждения между двумя государствами также принадлежат к категории войн вмешательства, потому что они возникают либо из доктрин, которые одна сторона желает распространить среди своих соседей, либо из догм, которые она желает развеять, в обоих случаях ведя к интервенции. Хотя они и берут начало из религиозных или политических догм, эти войны наиболее страшные, потому что, подобно национальным войнам, они привлекают наихудшие страсти и становятся карательными, жестокими и ужасными.

Войны ислама, Крестовые походы, Тридцатилетняя война, войны Католической лиги (во Франции с 1576 г.) по характеру почти не отличаются друг от друга. Часто религия является поводом для того, чтобы обрести политическую власть, а война поистине не одна из догм. Преемники

пророка Мухаммеда больше заботились о расширении своей империи (халифата), чем о проповеди Корана, и Филипп II, фанатик католицизма, недостаточно поддержал Католическую лигу во Франции с целью усиления римско-католической церкви. Мы согласны с М. Ансело, что Людовик IX, отправившись в Крестовый поход в Египет, думал больше о торговле с Индией, чем об обретении Гроба Господня.

Догма иногда не единственный повод, но мощный союзник, потому что она возбуждает рвение людей, а также создает организацию. Например, шведы в Тридцатилетней войне в Германии и Филипп II Испанский во Франции имели внутри этих стран союзников более могущественных, чем их армии. Однако может случиться, как с Крестовыми походами и войнами ислама, что догма, ради которой ведется война, вместо друзей находит лишь злейших врагов в захваченной стране, и тогда борьба становится ужасной.

Шансы на поддержку и сопротивление в войнах за политические убеждения примерно равны. Можно вспомнить, как в 1792 году объединения фанатиков считали возможным распространять в Европе знаменитую декларацию о правах человека и как правительства, естественно, были встревожены и схватились за оружие, вероятно с намерением лишь загнать эту «вулканическую лаву» назад в кратер и там погасить ее. Средства не были удачными, потому что война и агрессия – неадекватные меры для сдерживания зла, которое целиком лежит в сфере человеческих страстей, дове-

денных до состояния временного, менее продолжительного, но более яростного пароксизма. Время – действенное лекарство для всех дурных страстей и для всех анархических доктрин. Цивилизованная нация может вынести бремя расколичества и необузданности толпы, если все это длится короткий период времени; эти бури скоро проходят, и благоразумие возобладает. Попытка сдерживать такую толпу иностранной силой – то же самое, что и попытка сдерживать взрыв мины, когда порох уже воспламенен: гораздо лучше подождать взрыва, а потом уже заполнить воронку, чем пытаться предотвратить его и при этом погибнуть.

После основательного изучения революции, я убежден в том, что если бы жирондистам и Национальному собранию во Франции не угрожали иностранные вооруженные силы, они бы никогда не осмелились коснуться своими нечестивыми руками жалкой, но священной головы Людовика XVI (казненного 21 января 1793 года). Жирондисты никогда не были бы разбиты Монтаном, если бы не измена Дюмурье (Дюмурье Франсуа (1739–1823), в июне – августе 1792 г. военный министр, командующий французской армией, 6 ноября 1792 г. победил при Жемапе австрийцев (имея 45–50 тысяч против 20 тысяч), в марте 1793 г. французская армия была разбита при Неервиндене, а в апреле 1793 г. Дюмурье перебежал к австрийцам. – *Ред.*) и угроза вторжения интервентов. И если бы им позволили вступать в столкновения и раздоры друг с другом сколько душе угодно, не исключено,

что вместо допущения ужасного Конвента Национальное собрание медленно вернулось бы к восстановлению хороших, умеренных, монархических доктрин в соответствии с необходимостью и бессмертными традициями Франции.

С военной точки зрения эти войны ужасны, поскольку силы вторжения сталкиваются не только с армиями врага, но открыты для нападений разъяренных людей. Можно говорить, что насилие, с одной стороны, обязательно приведет к поддержке сил вторжения формированием другой, противоположной стороны, но если рассерженная сторона обладает всеми ресурсами общества, армиями, фортами, арсеналами и если она поддержана подавляющим большинством народа, какая польза будет в поддержке стороны, не имеющей таких средств? Какую услугу оказали сто тысяч вандейцев и сто тысяч федералистов для коалиции в 1793 году?

Но в истории есть лишь один пример подобной борьбы в революции; и он появляется, чтобы ярко продемонстрировать опасность нападения на сильно возбужденную нацию. Однако плохое руководство военными операциями было одной из причин неожиданного результата. Поэтому, прежде чем делать какие-либо определенные выводы из этой войны, нам следует установить, каким был бы результат, если бы после побега Дюмурье вместо захвата и разрушения французских крепостей союзники сообщили бы их комендантам, что они не замышляют ничего дурного для Франции, для ее крепостей или ее доблестных армий, и прошествовали бы в

Париж с двумя сотнями тысяч человек. Возможно, они восстановили бы монархию; и опять же, они, может быть, никогда бы не вернулись, отойдя к Рейну. Трудно ответить на такой вопрос, поскольку подобный эксперимент никогда не был проведен и поскольку все зависело бы от того, каким путем пойдет французская нация и армия. Таким образом, из проблемы вытекают два одинаково серьезных решения. Кампания 1793 года дает одно из них; могло ли быть получено другое, сказать трудно. Только эксперимент мог бы установить это.

Военные принципы для таких войн почти такие же, как и для национальных войн, отличаясь, однако, в важном пункте. В национальных войнах страна должна быть оккупирована и покорена, крепости взяты в осаду и разрушены, а армии уничтожены. Что касается войн за убеждения, то тут не так важно покорить страну, здесь должны быть приложены огромные усилия к скорейшему достижению цели, не отвлекаясь на мелочи. Тут постоянно уделяется внимание тому, чтобы избежать любых действий, которые могли бы побудить нацию к борьбе за свою независимость или территориальную целостность.

Война в Испании в 1823 году является примером, который можно было бы привести в пользу такого хода событий против революции, а не за нее. Верно, что условия были несколько отличными, потому что французская армия 1792 года состояла из более солидных формирований, чем ар-

мия испанских радикалов. Революционная война сразу стала войной за убеждения, национальной войной и гражданской войной. Между тем, если первая война в Испании в 1808 году была в полной мере национальной войной, то война 1823 года была борьбой партий за убеждения без национального элемента, а отсюда и огромные различия в их результатах.

Более того, экспедиция французских войск герцога Ангулемского в Испанию в 1823 году была проведена успешно. Вместо того чтобы атаковать крепости, он действовал в согласии с вышеупомянутыми принципами. Быстро продвигаясь к Эбро, он разделил там свои силы, чтобы целиком уничтожить все формирования сил своих врагов, что он благополучно и сделал, поскольку его поддержало большинство жителей. Если бы он следовал инструкциям министерства методично осуществлять завоевание страны и взятие крепостей между Пиренеями и Эбро для того, чтобы обеспечить базу операций, то, пожалуй, провалил бы свою миссию. По крайней мере, война бы сделалась затяжной и кровавой, возбуждая национальный дух из-за оккупации страны, подобно тому как это было в 1808 году.

Ободренный сердечным приемом народа (некоторой части испанцев. — *Ред.*), он понимал, что это была скорее политическая, а не военная операция, которую ему следует поскорее завершить. Его командование войсками, такое отличное от того, которое было характерно для союзников в 1793 году, заслуживает пристального внимания всех, на кого бу-

дет возложена подобная миссия. Через три месяца французская армия уже была под стенами Кадиса.

Если ставшие теперь достоянием гласности события на Пиренейском полуострове доказывают, что государственное руководство не смогло извлечь выгоду из успеха для того, чтобы установить подходящий и надежный порядок вещей, вина в этом не армии и не командующих, а испанского правительства. Уступив совету ярых реакционеров, оно не смогло подняться до высоты возложенной на него миссии. Испанский король Фердинанд VII, арбитр в столкновении больших интересов двух враждебных друг другу сторон, слепо бросился в объятия стороны, которая выражала глубокое уважение к трону. Однако она намеревалась использовать королевскую власть для достижения своих собственных целей, независимо от последствий. Нация оставалась разделенной на два враждебных лагеря, которые было невозможно успокоить и примирить. Эти лагеря вновь пришли к столкновению, которое я предсказывал в Вероне в 1823 году, – жестокий урок, из которого никто не склонен сделать нужный для себя вывод в этой несчастной стране. А ведь истории не занимать примеров для доказательства того, что жестокие реакционеры, еще более чем революции, не являются теми основами, на которых можно строить и объединяться. Даст бог, из этого страшного конфликта сможет появиться сильная и уважаемая монархия, равно отмежевавшаяся от всех группировок и опирающаяся на дисциплинирован-

ную армию, как и на общие интересы страны. Такая монархия способна объединить вокруг себя эту непостижимую испанскую нацию, которая со своими достоинствами (не менее необычными, чем недостатки) всегда представляла проблему для тех, кому довелось узнать ее.

Параграф VIII

Национальные войны

Национальные войны, к которым мы обратились, говоря о войнах вторжения, являются самыми страшными из всех. Это название может быть применимо к таким войнам, которые ведутся против объединенных людей или огромного их большинства. Они полны благородного желания и решимости отстаивать свою независимость. В этом случае каждый шаг ставится под сомнение, армия удерживает только территорию своего лагеря, ее предметы снабжения могут быть получены на острие клинка, а ее колоннам повсюду угрожают или их захватывают.

Зрелище спонтанного восстания нации редко предстает взору; и хотя в нем есть что-то великое и благородное, что вызывает у нас восхищение, последствия настолько ужасны, что ради всего гуманного хотелось бы надеяться никогда его не увидеть. Это восстание не должно сбивать с толку необходимостью национальной обороны в соответствии с государственными институтами и под руководством правительства.

Это восстание может возникнуть по самым противоположным причинам. Рабы могут восстать по призыву правительства и их хозяев, под влиянием благородной любви к своему монарху и стране, могут подать им пример и встать под их командование; и подобным же образом фанатики мо-

гут взяться за оружие по призыву своих проповедников. Или же люди, поглощенные своими политическими воззрениями либо воодушевленные святой любовью к своим институтам, могут броситься на врага ради защиты всего, что считают самым дорогим.

Контроль над морем имеет большое значение для результатов национального вторжения. Если у таких народов есть длинная полоса побережья и они мореплаватели или находятся в союзе с державой, которая контролирует побережье, сила их сопротивления упытерится. Это произойдет не только вследствие возможности обеспечения восставших и наведения паники на противника во всех местах, которые он может оккупировать, но еще больше из-за трудностей, которые могут быть ему созданы в доставке предметов снабжения морем.

Природа страны может быть такой, какая способствует условиям создания системы национальной обороны. В гористых странах народ всегда наиболее грозен; следующими за ними идут страны, покрытые густыми лесами.

Сопротивление Швейцарии Австрии и герцогу Бургундскому (в XIV и XV веках), каталонцев в 1712 и 1809 годах, трудности, с которыми столкнулись русские в покорении народов Кавказа, и, наконец, неоднократно повторявшиеся успехи тирольцев, наглядно демонстрируют, что жители горных районов всегда сопротивлялись более продолжительное время, чем жители равнин. Это вызвано как разли-

чием в характере и обычаях, так и различием в природных особенностях стран.

Ущелья и большие леса, так же как и скалистые районы, благоприятствуют этому виду обороны, и так справедливо прославлявшийся лес Вандеи доказывают, что любая страна, даже если ее пересекают только большие ограды и рвы или каналы, может создавать грозную оборону.

Трудности тропы войны для армии в войнах за убеждения, так же как в национальных войнах, весьма велики и делают совсем не легкой миссию генерала, который ее ведет. Только что упомянутые события, соперничество Нидерландов с Филиппом II в XVI веке, а также американцев с англичанами предоставляют наглядные свидетельства этого. Однако гораздо более необычная борьба Вандеи с победоносной Республикой, Испании, Португалии и Тироля против Наполеона, и, наконец, Мореи (и п-ов Пелопоннес. – *Ред.*) против турок, и Наварры против армий королевы Марии Кристины (правила в 1833–1840 гг., вдова не имевшего сыновей исп. короля Фердинанда VII. – *Ред.*) являются еще более впечатляющими иллюстрациями.

Трудности особенно велики, когда народные ополчения поддержаны значительным числом дисциплинированных войск, образующих своего рода «ядро» общенародной армии. У захватчика только армия, у его противников есть армия и народ, полностью или почти полностью вооруженный и превращающий в средство сопротивления почти лю-

бую вещь, каждый в отдельности в общем согласии в деле истребления врага; даже мирные граждане заинтересованы в его поражении, и они ускоряют его всеми имеющимися у них средствами. Захватчик почти не удерживает никаких позиций, кроме тех, на которых стоит лагерем; за пределами его лагеря все враждебно и тысячекратно умножает трудности, с которыми оккупанты сталкиваются на каждом шагу.

Эти препятствия становятся почти непреодолимыми в стране с трудными условиями. Каждому вооруженному жителю знакомы самые маленькие тропы и связи между ними; везде он находит родственника или друга, который помогает ему. Командиры также знают страну и, сразу же узнавая о малейшем передвижении со стороны оккупанта, могут принять наилучшие меры, чтобы расстроить его планы. В то же время противник без информации о передвижениях тех, кто ему противостоит, и не имея возможности действенного сбора информации, не имея ресурсов, кроме тех, что можно взять на острие штыков, и при некоторой безопасности лишь при концентрации своих колонн подобен слепому. Его комбинации терпят провал, а когда после самым тщательным образом согласованных маневров и после самых быстрых и утомительных маршей он думает, что близок к достижению своей цели и нанесению страшного удара, то не обнаруживает никаких признаков противника, а только костры его лагеря. И тогда, когда он, подобно Дон Кихоту атакует ветряные мельницы, его враг оказывается на линиях комму-

никаций, уничтожает отряды, оставленные для их охраны, застаёт врасплох конвои, склады оккупантов и ведёт такую чреватую катастрофой для захватчика войну, что тот должен будет через какое-то время отступить.

В Испании я был свидетелем двух ужасных примеров такого рода. Когда корпус Нея сменил Сульта при Ла-Корунье, я разместил лагерь роты артиллерийского обоза между Бетансосом и Ла-Коруньей среди четырех бригад на расстоянии двух-трех лье от лагеря, и никаких сил испанцев не было видно на пятьдесят миль. Сульт все еще занимал Сантьяго-де-Компостелу, дивизия Мориса-Матье была в Эль-Ферроле и Луго, Маршана в Ла-Корунье и Бетансосе. Тем не менее в одну прекрасную ночь роты обоза – люди и лошади – исчезли, а мы так никогда и не смогли узнать, что с ними случилось: единственный раненый капрал бежал, чтобы доложить, что крестьяне, руководимые своими монахами и священниками, увели их всех. Спустя четыре месяца Ней с одной дивизией шел маршем, чтобы завоевать Астурию, спустившись в долину реки Навии, в то время как Келлерман вышел из Леона по дороге Овьедо. Часть корпуса де Ла Романа (1761–1811, маркиз, испанский генерал, в 1808 г. перешедший на сторону противников французов. – *Ред.*), которая обороняла Астурию, шла маршем за высотами, которые обрамляли долину Навии самое большее в одном лье от наших колонн, в то время как маршал не знал об этом ни сном ни духом. Когда он входил в Хихон, войска де Ла Романа ата-

ковали центр полков дивизии Маршана, которая была рас-
средоточена, чтобы оборонять Галисию, и едва спаслась бег-
ством, и то только благодаря быстрому возвращению марша-
ла в Луго. Эта война преподнесла тысячу примеров подобно-
го рода атак. За все золото Мексики нельзя было добыть до-
стоверную информацию для французов; то, что предостав-
лялось, было всего лишь приманкой, чтобы заставить их с
готовностью попасть в западню.

Ни одна армия, какой бы она ни была дисциплинирован-
ной, не может успешно бороться против такой системы, при-
менявшейся против великой нации, до тех пор, пока та не
будет достаточно сильной для того, чтобы удерживать все су-
щественные населенные пункты страны, захватить ее ком-
муникации и в то же время выделить достаточно сил регу-
лярных войск для того, чтобы разбить противника, где бы
он ни появился. Если у этого противника есть внушитель-
ных размеров регулярная армия, чтобы быть ядром, вокруг
которого объединился бы народ, каких сил будет достаточно
для того, чтобы везде одерживать верх и обеспечивать без-
опасность протяженных линий коммуникаций против мно-
гочисленных отрядов?

Война на Пиренеях должна быть тщательно изучена, для
того чтобы узнать все препятствия, с которыми могут встре-
титься генерал и его доблестные войска в оккупации или за-
воевании страны, весь народ которой готов к борьбе. Како-
го огромного терпения, мужества и стойкости стоило вой-

скам Наполеона, Массены, Сульта, Нея и Сюше (не очень известный у нас военачальник, успешно воевавший в Испании, Луи-Габриэль Сюше, 1770–1826, с 1811 г. маршал Франции. – *Ред.*), чтобы продержаться шесть лет против трехсот или четырехсот тысяч вооруженных испанцев и португальцев, которых поддерживали регулярные армии Веллингтона, Бересфорда, Блейка, Ла Романы, Куэсты, Кастаньоса, Рединга и Балластероса!

Если успех в такой войне возможен, следующий генеральный курс будет наиболее подходящим для обеспечения его, а именно: развертывать массы войск пропорционально препятствиям и сопротивлению, которые могут встретиться, успокаивать страсти населения всеми возможными способами, заставить их утомиться со временем, проявляя терпение, демонстрировать обходительность, мягкость, наряду со строгостью, и в особенности поступать по справедливости. Примеры с Генрихом IV в войнах Католической лиги, с маршалом Бервиком (1670–1734, побочный сын англ. короля Якова II, с 1706 г. маршал Франции. – *Ред.*) в Каталонии, Сюше в Арагоне и Валенсии, Гошем (1768–1797, французский генерал, полководец Республики, из конюхов. – *Ред.*) в Вандее являются образцами такого рода поведения. Оно может быть взято на вооружение в соответствии с обстоятельствами с равным успехом. Вызывающие восхищение порядок и дисциплина русских армий Дибича и Паскевича в последней войне (автор имеет в виду Русско-турецкую войну

1828–1829 гг., где Дибич прославился на Балканах, а Паскевич – на Кавказе. – *Ред.*) были также образцами и достаточно способствовали успеху в их предприятиях.

Огромные препятствия, которые встречали на своем пути силы вторжения в этих войнах, побуждали некоторых теоретиков надеяться, что других видов войн не будет, с этих пор войны станут вестись реже, а завоевания, становившиеся также более трудными, станут меньше искушать амбициозных лидеров. Это умозаключение выглядит скорее правдоподобным, чем основательным, потому что, чтобы принять все из него вытекающее, нужно будет всегда предполагать возможность того, что народ всегда будет побуждаем братья за оружие. Нам же будет необходимо быть убежденными в том, что в будущем не будет войн, кроме завоевательных, и что все законные, хотя и второстепенные войны, которые должны лишь поддерживать политическое равновесие или защищать общественные интересы, никогда больше не произойдут. В противном случае как можно будет узнать, когда и как побуждать народ к национальной войне? Например, если сто тысяч немцев форсировали Рейн и вошли во Францию первоначально с намерением предотвратить завоевание Бельгии Францией и без всякой другой амбициозной цели, будет ли это случаем, в котором все население – мужчины, женщины и дети – Эльзаса, Лотарингии, Шампани и Бургундии должно хвататься за оружие? Только для того, чтобы превратить в Сарагосу (Сарагоса стала особенно

знаменита своей героической обороной против французов в 1808–1809 гг. в течение двух месяцев – 54 тысячи ее защитников пали, защищая взятый французами штурмом город. – *Ред.*) каждый обнесенный стенами город – путем репрессалий, убийств, грабежей и поджогов по всей стране? Если всего этого не делать, а немцы как следствие определенного успеха оккупировали бы эти провинции, кто может сказать, что они впоследствии не захотели бы присвоить часть из них, даже несмотря на то, что сначала они вовсе не планировали этого делать (что и произошло в 1870–1871 гг. – *Ред.*)? Трудность в ответе на эти два вопроса покажется аргументирующей в пользу национальных войн. Но разве нет других способов отражения такого вторжения, не прибегая к восстанию всего населения и войне на истребление? Разве нет золотой середины между этими противоборствами между людьми и добрым старым способом ведения войны между регулярными армиями? Разве не будет достаточно для эффективной обороны страны организовать народное ополчение, или ландвер, которое будет в форме и призвано их правительствами на службу, что упорядочило бы участие народа в войне и установило бы необходимые границы нецивилизованным действиям?

Я отвечаю утвердительно и, применяя эту смешанную систему к приводимым выше случаям, гарантирую, что пятьдесят тысяч регулярных французских войск, поддержанных Национальной гвардией Востока (Франции), заткнут за по-

яс эту германскую армию, которая перевалила через Вогезы. Дело в том, что французская армия, сокращенная до пятидесяти тысяч солдат и имея множество отрядов, при отходе к реке Мёз (Маас) или далее, к гряде Аргон, уже имела бы в наличии сто тысяч солдат. Для того чтобы овладеть этим способом, мы ставим в качестве неперемennого условия необходимость подготовки хороших национальных резервов для армии; они будут менее дорогостоящими в мирное время и обеспечат защиту страны в войне. Эта система использовалась Францией в 1792 году, была скопирована Австрией в 1809 году и всей Германией в 1813 году.

Подводя итог этому обсуждению, утверждаю, что, не являясь утопистом и филантропом или кондотьером, человек может желать того, чтобы войны на истребление смогли бы быть вычеркнуты из кодекса наций, чтобы для обеспечения их независимости было бы достаточно дисциплинированного народного ополчения при поддержке надежных политических союзников.

Как солдат, предпочитающий законную и рыцарскую войну организованному истреблению, если нужно выбирать, я допускаю, что мои предубеждения склоняют меня в пользу старых добрых времен, когда французская и английская гвардии учтиво приглашали друг друга первыми открывать огонь, как это было при Фонтенуа (в Бельгии, здесь в 1745 г. французские войска Морица Саксонского (одного из побочных сыновей саксонского курфюрста и польского короля Ав-

густа Сильного, всего имевшего 354 детей) разбили англичан и ганноверцев. – *Ред.*). Я предпочитаю их ужасной эпохе, когда даже священники, женщины и дети по всей Испании замыслили убийства отдельных солдат (оккупантов. – *Ред.*).

Параграф IX

Гражданские и религиозные войны

Внутренние войны, когда они не связаны с зарубежным конфликтом, в основном являются результатом столкновения мнений, политического или религиозного сектантства. В Средние века они чаще всего представляли собой столкновения между партиями феодалов. Религиозные войны самые ужасные.

Можно понять, что правительство может счесть необходимым использование силы против своих собственных подданных для того, чтобы уничтожить группировки, которые ослабляют власть трона и мощь государства. Но то, что правительство должно убивать своих граждан, чтобы заставить их произносить свои молитвы на французском или латинском или признавать верховенство иностранного понтифика, не укладывается в голове. Никогда еще король не вызывал большего сожаления, чем Людовик XIV, который подверг гонениям миллион трудолюбивых протестантов (отменив в 1685 г. Нантский эдикт, принятый в 1598 г. Генрихом IV; эдикт предоставлял гугенотам свободу вероисповедания и богослужений (кроме Парижа и некоторых других городов). — *Ред.*), которые возвели на трон его собственного предшественника-протестанта (его деда Генриха IV. — *Ред.*). Войны фанатиков ужасны, когда смешиваются с внешними

войнами, и они также страшны, когда представляют собой семейные раздоры. История Франции во времена Католической лиги должна стать вечным уроком для наций и королей. Трудно поверить, чтобы народ, такой благородный и великодушный во времена Франциска I, за двадцать лет скатился до такого ужасного состояния бесчеловечности.

Давать правила поведения в таких войнах было бы нелепо. Есть одно правило, с которым согласятся все думающие люди: оно состоит в том, чтобы объединить две партии или конфессии для того, чтобы изгнать со своей земли иноземцев, а после этого урегулировать договором спорные требования или права. Действительно, вмешательство третьей силы в религиозный спор может происходить лишь при наличии у нее претенциозных взглядов.

Правительства могут с искренними намерениями вмешиваться в такие войны для того, чтобы предотвратить распространение политической болезни, принципы которой угрожают общественному порядку. И хотя эти опасения, как правило, преувеличиваются и часто являются просто поводом, есть вероятность того, что государство может полагать, что ее институтам грозит опасность. Но в религиозных спорах этого никогда не происходит; и у Филиппа II не могло быть другой цели во вмешательстве в дела Католической лиги, кроме как подчинения Франции своему влиянию или раздробления ее.

Параграф X

Двойные войны и опасность

завязывания двух войн одновременно

Знаменитый принцип римлян: не развязывать двух войн одновременно — настолько хорошо известен и оценен, что изобавляет от необходимости демонстрировать его мудрость.

Правительство может быть вынуждено выдерживать войну против двух соседних государств, но ему чрезвычайно не повезет, если оно не найдет союзника, который пришел бы на помощь, ввиду необходимости обеспечения его собственной безопасности и политического равновесия. Редко бывает так, что у государств, объединившихся против другого государства, окажутся общие интересы в войне и они вступят в нее со всеми своими ресурсами; и разве что задача упрощается тем, что это будет обычная война.

Французский король Людовик XIV, прусский король Фридрих II Великий, русский император Александр I и Наполеон каждый в свое время выдержали гигантские битвы против сил объединенной Европы. Когда такие противоборства возникают из сознательных агрессий, они являются свидетельством большой ошибки со стороны государства, которое подвергается им. Однако если они возникают из насущных и неизбежных обстоятельств, то их следует встречать

с поиском союзов либо противопоставляя им такие средства сопротивления, которые установят нечто вроде равенства между силами сторон.

Большая коалиция против Людовика XIV, номинально возникавшая из его планов в отношении Испании, на самом деле имела происхождение в предыдущих агрессиях, которые встревожили его соседей. Объединенным силам Европы он мог противопоставить союз с преданным курфюрстом Баварии и менее надежным герцогом Савойи, который на самом деле не преминул бы пополнить число его врагов. Фридрих II с одной только материальной помощью Англии и пятьюдесятью тысячами войска выдерживал войну против трех наиболее могущественных монархий Европы: разобщенность и недальновидность его противников были лучшими союзниками.

Обеих этих войн, как и той, которую вынес русский царь Александр I в 1812 году, было почти невозможно избежать.

Франция сдерживала в 1793 году почти всю Европу — следствие экстравагантных провокаций якобинцев и утопических идей жирондистов, которые хвастались тем, что при поддержке английского флота они победят всех королей мира. Результатом этих абсурдных расчетов стали ужасные беспорядки в Европе, из которых Франция чудесным образом выпуталась.

Наполеон до определенной степени был единственным современным монархом, который по своей воле одновременно

развязал две и даже три жутких войны – с Испанией, с Англией и с Россией. Однако в последнем случае он ожидал помощи от Австрии и Пруссии, не говоря уже о Турции и Швеции, на которых Наполеон слишком рассчитывал, поэтому предприятие не было таким уж авантюрным с его стороны, как в основном считалось.

Будет обращено внимание на то, что есть огромное различие между войной, развязанной против одного государства, которому помогает третье в качестве союзника, и двумя войнами, ведущимися одновременно против двух могущественных государств и в противоположных направлениях, а эти государства используют все свои силы и ресурсы.

Например, двойное противоборство Наполеона в 1809 году против Австрии и Испании, которой помогала Англия, было совершенно иным делом, чем борьба с Австрией, получавшей дополнительную помощь известных сил. Эти последние противоборства относятся к обычным войнам.

Отсюда вытекает, что двойных войн следует по возможности избегать и, если причина войны исходит от двух государств, более благоразумно скрывать ущерб, который нанесен одним из них, или пренебречь им до тех пор, пока не появится благоприятная возможность для его исправления. Однако нет правил без исключения: соответствующие силы, условия местности, возможность найти союзников для восстановления сил, до известной степени равенство сил сторон являются обстоятельствами, которые повлияют на пра-

вительство, которому так угрожают. Теперь мы выполнили нашу задачу, обозначив как опасность, так и средства ее устранения.

Глава 2

Военная политика

Мы уже объяснили, что понимаем под этим заглавием. Оно охватывает сочетания моральных факторов, связанных с армейскими операциями. Если политические соображения, которые мы только что обсудили, имели бы также и моральную сторону, существовали бы другие соображения, которые до определенной степени влияют на ведение войны и не принадлежат ни дипломатии, ни стратегии, ни тактике. Мы объединяем их под заголовком *военная политика*.

Военная политика, можно сказать, охватывает все комбинации любой планируемой войны, за исключением тех, которые относятся к искусству дипломатии и стратегии. Поскольку их число значительно, невозможно посвятить каждому из них отдельный параграф, не слишком выходя за рамки данного труда и не отклоняясь от моего намерения, которое состоит не в том, чтобы дать трактовку по данным вопросам, а в том, чтобы указать на их отношение к военным операциям.

В самом деле, к этой категории мы можем отнести душевный настрой нации, с которой предстоит сражаться, ее военную систему, готовые к войне средства и резервы, ее финансовые ресурсы, ее преданность своему правительству или

политической системе, характер исполнительной власти, характеристики и военные способности командующих ее армиями, значимость влияния правительства или военных советов на их операции, систему ведения войны во взаимодействии с ее штабом, признанную мощь государства и его вооружений, военную географию и статистику государства, в которое предполагается вторжение, и, наконец, ресурсы и разного рода препятствия, которые, по всей вероятности, встретятся, и все это не относится ни к дипломатии, ни к стратегии.

Нет жестко закрепленных правил по таким предметам, за исключением того, что правительству не следует ничем пренебрегать в получении знаний об этих деталях и что необходимо выносить их на рассмотрение при составлении любых планов.

Мы предлагаем краткий обзор важнейших положений, которыми следует руководствоваться в этом виде комбинаций.

Параграф XI

Военная статистика и география

Под первой из этих научных дисциплин мы понимаем как можно более доскональные знания составных частей мощи и военных ресурсов противника, с которым нам предстоит вступить в единоборство. Вторая дисциплина состоит в топографическом и стратегическом описании театра войны, со всеми его препятствиями, естественными или искусственными, которые могут встретиться. Она также предполагает изучение постоянных ключевых пунктов, которые могут быть представлены на всем протяжении границы или страны. Помимо военного министра, командующему армией военачальнику и начальнику штаба должна быть предоставлена эта информация, во избежание жестоких просчетов в их планах. Это нередко случается в наши дни, несмотря на огромный прогресс, которого достигли цивилизованные нации в статистической, дипломатической, географической и топографической науках. Приведу два примера, которые мне известны. В 1796 году армия Моро, входя в Шварцвальд (запад Баварии) ожидала встретить ужасные горы, опасные теснины и леса и была чрезвычайно удивлена, обнаружив, взобравшись по крутым склонам на плато, что этот крутой подъем от Рейна по склону Шварцвальда был фантастически единственным горным участком на их пути, а далее страна, от ис-

токов Дуная до города Донауверт, была плодородной и практически плоской равниной.

Второй пример относится к 1813 году. Наполеон и вся его армия предполагали, что внутренняя Богемия (Чехия) будет очень гористой, в то время как в Европе мало более ровных земель, в чем убеждаешься после того, как преодолеваются окружающие Богемии невысокие горные хребты, на что почти везде требуется всего один дневной переход.

Все европейские офицеры придерживались того же ошибочного мнения в отношении Балкан и турецких сил внутри. Похоже, что в Константинополе были пущены слухи о том, что эти горы и прилегающие земли были почти непреодолимой преградой и залогом безопасности империи. Эту ошибку я, долго живший в Альпах, не разделял. Другие предрасудки, не менее глубоко укоренившиеся, заставляли верить в то, что народ, каждый представитель которого всегда вооружен, создаст грозное народное ополчение и будет защищаться до последнего. Опыт показал, что старые правила, согласно которым элита из янычар размещалась в пограничных городах на Дунае, делали жителей этих городов более воинственными, чем население внутренних районов. Действительно, планы реформ султана Махмуда потребовали слома старой системы и не было времени для того, чтобы заменить ее на новую, так что империя оказалась беззащитна. (Султан Махмуд II (1808–1839) в 1826 г. ликвидировал (поголовно истребив) янычарское войско, давно ставшее практически

неуправляемым. — *Ред.*) Опыт постоянно говорил о том, что одной лишь большой массы вооруженных до зубов храбрцев недостаточно для того, чтобы создать хорошую армию и обеспечить национальную оборону.

Давайте вернемся к необходимости хорошего знания военной географии и статистики империи. Эти области научного знания изложены в договорах и еще будут развиваться. Ллойд, который написал о них эссе, в описании границ больших государств в Европе не был удачливым в своих аксиомах и предвидениях. Он видел преграды повсюду; он изображает неприступной австрийскую границу на реке Инн, между Тиролем и Пассау, где Наполеон и Моро совершали маневр и одерживали победы с армиями в сто пятьдесят тысяч солдат в 1800, 1805 и 1809 годах.

Но если эти области знания широко не изучаются, то в архивах европейских штабов обязательно должны быть многие документы, которые представляют ценность в качестве источника информации, по крайней мере для специальных штабных школ. В ожидании того времени, когда прилежный офицер, извлекающий пользу из этих опубликованных и неопубликованных документов, одарит Европу хорошей военной и стратегической географией, мы можем сказать спасибо огромному прогрессу в топографии за последние годы, частично восполнившему имеющиеся потребности превосходными картами, опубликованными во всех европейских странах в последние двадцать лет. В начале Французской

революции топография была в зародыше: исключение составляла полутопографическая карта Кассини, и только карты Бакенберга достойны называться топографическими. Австрийская и прусская штабные школы, однако, были хорошими и пока что плодотворными. Карты, недавно опубликованные в Вене и Берлине, Мюнхене, Штутгарте и Париже, а также институтом Гердера в Фрайбурге, обещают будущим генералам огромные перспективы, доступные их предшественникам.

Военная статистика не более известна, чем география. У нас есть лишь неопределенные и поверхностные заявления, из которых строятся догадки о боевом составе армий и флотов, а также доходы, которые, как предполагается, получены государством, — все это далеко не те знания, которые необходимы для планирования операций. Наша цель состоит не в том, чтобы подробно обсуждать эти важные предметы, а в том, чтобы указать на них как на обуславливающие успех в военных предприятиях.

Параграф XII

Другие причины, которые оказывают влияние на успех в войне

Поскольку накал страстей народа сам по себе всегда является сильным противником, как военачальнику, так и его правительству следует приложить все усилия к тому, чтобы склонить его на свою сторону. Нам нечего добавить к тому, что уже было сказано по этому вопросу под заголовком о национальных войнах.

С другой стороны, генералу следует сделать все для того, чтобы зарядить энергией своих солдат и передать им тот же энтузиазм, который он пытается подавить у своих противников. Все армии в равной степени восприимчивы к этому духу, различны только мотивы и средства совершения действий, в зависимости от национального характера. Военное ораторское искусство является одним из средств и стало предметом многих научных трудов. Возвращения Наполеона и Паскевича, обращение древних полководцев, а также Суворова к своим солдатам являются образцовыми, хотя и разными. Красноречие испанской хунты и чудеса Мадонны дель Пилар (знаменитый храм в Сарагосе. – *Ред.*) вели к одним и тем же результатам, но совершенно разными средствами. В целом благое дело и военачальник, который вселяет уверен-

ность предыдущим успехом, являются мощным средством одушевления армии и ведут к победе. Некоторые спорят о преимуществах такого энтузиазма и предпочитают невозможную хладнокровность в битве. У обеих сторон есть очевидные преимущества и недостатки. Энтузиазм побуждает к выполнению великих дел; трудность состоит в том, чтобы поддерживать его постоянно, и, если боевой дух упадет, это легко приведет к беспорядку.

В зависимости от того, в большей или меньшей степени проявляют активность и смелость командующие армиями, это становится фактором успеха или неудачи, которые не подчиняются правилам. Правительство и командующий должны выявить ценные качества, присущие именно их войскам, – качества, которые проявляются иначе, чем те, которыми отличается противник. Так, русскому генералу, командующему самыми хорошо организованными войсками в Европе, нет необходимости предпринимать что-либо особенное в отношении недисциплинированных и неорганизованных войск противника на открытой местности, каким бы храбрым ни был каждый из солдат неприятеля в отдельности¹. Согласованность в действиях придает силу; порядок дает эту согласованность, а дисциплина обеспечивает порядок, а без дисциплины и порядка невозможно добиться успеха.

¹ Нерегулярные войска при поддержке дисциплинированных войск могут быть чрезвычайно полезны в уничтожении колонн, нарушении коммуникаций и т. д. и могут – как в случае с французской армией в России в 1812 году – сделать отход совершенно гибельным.

Русский генерал не был бы таким смелым перед европейскими войсками, если бы у них была такая же выучка и такая же дисциплина, как у русских солдат. Наконец, командующий может попытаться выбрать себе противника. Но здесь надо как следует подумать.

Одно дело, когда перед тобой Макк, и совсем другое, когда – Наполеон. Действия правительства в отношении контроля над армиями влияют на смелость ведения боевых операций. Военачальник, чей гений и умение связаны придворным советом за пятьсот миль от него, не может сравниться с тем, кто имеет свободу действий.

Что касается превосходства в полководческом мастерстве, то оно является одним из залогов победы при прочих равных условиях. Верно, что великие полководцы бывают часто биты менее прославленными, но из исключения не выводится правило. Неправильно понятый приказ, непредвиденное обстоятельство могут дать противнику все шансы на успех, которые опытный генерал подготовил для себя своими маневрами. Но этих рисков невозможно ни предугадать, ни избежать. Справедливо ли на этом основании отрицать влияние науки и принципов при обычных обстоятельствах? Подобный риск даже доказывает триумф незыблемых принципов, потому что происходит так, что они, эти принципы, применяются армией, против которой предполагалось их применить, и это является причиной ее успеха. Но, допуская эту истину, могут сказать, что это аргумент против на-

уки; это возражение недостаточно обоснованно, потому что наука побеждать для полководца состоит в обеспечении его стороны всеми шансами на победу, которые только можно предвидеть, и, конечно, не может охватить все прихоти судьбы. Даже если число сражений, которые сопутствуют умелым маневрам, не превышает их число в результате случайностей, это также не делает несостоятельным мое утверждение.

Если мастерство военачальника является одним из бесспорных элементов победы, нетрудно заметить, что умный подбор генералов является одним из наиболее деликатных моментов в государственной науке и военной политике государства. К сожалению, на этот подбор влияет так много мелких страстей, что шанс, ранг, возраст, расположение, принадлежность к определенной партии, ревность имеют в этом столь же большое значение, что и общественные интересы и справедливость. Этот предмет настолько важен, что мы посвятим ему отдельный параграф.

Параграф XIII

ВОЕННЫЕ ВЕДОМСТВА

ГОСУДАРСТВ

Важнейшим для военной политики государства является качество его военных ведомств. Хорошая армия под командованием генерала средних способностей может совершать великие подвиги; плохая армия с хорошим генералом может проявить себя столь же хорошо, но армия, конечно, совершит гораздо больше, если ее собственные высокие качества будут сочетаться с такими же качествами ее генерала.

Наличие двенадцати основных, неотделимых друг от друга условий делает армию отличной:

- 1) хорошей системы набора в армию;
- 2) хорошей организации;
- 3) хорошо организованной системы национальных резервов;
- 4) хорошего обучения офицеров и солдат в строевой подготовке и во внутренней службе, а также в ходе кампании;
- 5) строгой, но не унижающей дисциплины и духа субординации и пунктуальности, которые основываются больше на убеждении, чем на служебном формализме;
- 6) хорошо понятной системы награждений, способной стимулировать соревновательность;

- 7) специальных родов войск, таких как инженерные войска и артиллерия, которые должны быть хорошо обучены;
- 8) превосходства над противником, если это возможно, как в оборонительном, так и в наступательном вооружении;
- 9) генерального штаба, способного применять все эти элементы и имеющего организацию, рассчитанную на совершенствование теоретического и практического обучения его офицеров;
- 10) хорошей системы комиссариатов, госпиталей и главного управления;
- 11) хорошей системы назначения на командные посты и руководства основными военными операциями;
- 12) стимулирования и поддержания боевого духа людей.

К этим условиям могут быть добавлены хорошая система обеспечения обмундированием и снаряжением, потому что, если это не имеет значения первостепенной важности на поле боя, тем не менее это всегда имеет отношение к сохранению войск и всегда является вещью, оберегающей жизнь и здоровье ветеранов.

Ни одним из упомянутых выше двенадцати условий нельзя пренебречь, не создавая серьезных проблем. Прекрасная, хорошо вымуштрованная и дисциплинированная армия, но без национальных резервов и неумело руководимая, стала причиной падения Пруссии в течение пятнадцати дней под натиском Наполеона. С другой стороны, можно часто видеть, насколько выигрывает государство, имея хорошую армию.

Именно забота и мастерство македонских царей Филиппа II и его сына Александра Великого в формировании и обучении своих фаланг, которые научились легко передвигаться и совершать самые быстрые маневры, позволили македонцам покорить Персидскую империю и Индию с относительно небольшой отборной армией. Именно огромная любовь его отца к солдатам дала Фридриху II Великому армию, способную осуществлять его великие дела. (Фридрих II довел численность прусской армии до 186 тысяч (первое место в Западной Европе.). – *Ред.*)

Правительство, которое пренебрежительно относится к своей армии под каким бы то ни было предлогом, заслуживает тем самым порицания потомков, поскольку оно способствует принижению своего статуса и статуса своей страны, вместо того чтобы иной политикой способствовать ее процветанию. Мы далеки от того, чтобы говорить о том, что правительство должно пожертвовать всем для армии, потому что это было бы нелепо, но армию следует сделать объектом постоянной заботы руководства страны. И если у государя нет военного образования, ему будет очень трудно выполнить свой долг в этом плане. В этом случае – что, к сожалению, слишком часто происходит – изъясн должен быть восполнен за счет мудрых ведомств, во главе которых должна быть поставлена хорошая система в виде генерального штаба, при наличии хорошей системы набора в армию и хорошей системы национальных резервов.

Конечно, существуют формы правления, которые не всегда наделяют исполнительные органы властью для принятия лучших систем. Если армии Римской и Французской республик и армии Людовика XIV и Фридриха II Великого доказывают, что хорошая военная система и умелое руководство операциями могут обнаружиться у принципиально отличающихся друг от друга правительств, можно не сомневаться, что в нынешнем состоянии мира форма правления оказывает огромное влияние на развитие военной мощи нации и качество ее войск.

Если контроль над общественными фондами находится в руках тех, кто подпал под влияние местных или партийных интересов, они могут оказаться слишком педантичными и скупыми. Поэтому они отберут все средства для ведения войны у исполнительных органов, которых очень многие, похоже, считают скорее врагом общества, чем главами администрации, всецело посвятившими себя заботе о национальных интересах.

Злоупотребление ложно понимаемых общественных свобод также может привести к подобным плачевным результатам. И потом просто невозможно для самой дальновидной администрации подготовиться к большой войне, будут ли этого требовать важнейшие интересы страны в некотором будущем либо это будет немедленной необходимостью, чтобы противостоять неожиданной агрессии.

В тщетной надежде снискать популярность разве не могут

члены выборного законодательного органа, большинство из которых не будут Ришелье, Питтами (Питт Уильям Старший (1708–1778) – премьер-министр Великобритании в 1766–1768 гг., министр иностранных дел в 1756–1761 гг. (с перерывом). Питт Уильям Младший (1759–1806) – сын Питта Старшего, премьер-министр Великобритании в 1783–1801 и 1804–1806 гг. – *Ред.*) или Лувуа (Лувуа Франсуа Мишель Ле Телье (1641–1691). В 1666–1683 гг. военный министр, провел военные реформы, превратившие французскую армию в регулярную. – *Ред.*), в духе ложно понятой экономики позволить ведомствам, необходимым для большой, хорошо снаряженной и дисциплинированной армии прийти в упадок? Идущие на поводу притягательных ложных представлений гиперболизированной филантропии, разве не могут они в конечном счете убедить себя и своих законодателей в том, что блага мира всегда предпочтительнее более подходящих государственному деятелю приготовлений к войне?

Я далек от того, чтобы советовать государствам всегда держать руку на рукояти меча и всегда находиться в русле готовности к ведению боевых действий. Такое положение дел было бы катастрофой для рода человеческого и было бы невозможным, кроме как в условиях существования не во всех странах. Я просто имею в виду, что цивилизованные правительства должны всегда быть готовыми к мобилизации за короткий отрезок времени к ведению войны и никогда не должны быть застигнуты врасплох. И благодаря мудрости их

ведомств может быть сделано в этой подготовительной работе столько, сколько необходимо для обеспечения дальновидности действий их администрации и безупречности их системы военной политики.

В обычных условиях, руководствуясь положениями конституции, правительства, следуя всем изменениям выборной законодательной власти, менее всего склонны к созданию грозного военного потенциала. Однако в условиях больших кризисов эти совещательные органы иногда добиваются несколько иных результатов и сходятся во мнении в необходимости максимального укрепления могущества нации. И все же некоторое число таких примеров в истории может составить целый список исключительных случаев. В них шумная и бурлящая ассамблея, поставленная перед необходимостью завоевания или гибели, действовала в пользу чрезвычайного энтузиазма нации для спасения страны и одновременно самих себя. Для этого она обращалась к самым ужасным мерам и для их поддержки призывала к безграничной диктаторской власти, которая подавляла как свободу, так и закон под предлогом их защиты. Это уже скорее диктатура (или абсолютная и чудовищная узурпация власти), чем форма выборной ассамблеи, которая является чистым проявлением энергии. О том, что происходило в Конвенте после падения Робеспьера, свидетельствовал ужасный Комитет общественного спасения, так же как палата депутатов, избранная в 1815 году. Диктаторская власть, оказавшаяся в руках

немногих, всегда была последней надеждой на спасение в великих кризисах, и кажется естественным прийти к заключению, что страны, контролируемые выборными ассамблеями, должны быть в политическом и военном отношении слабее, чем абсолютные монархии (добавим, и авторитарные патристические (но не клептократические) режимы), хотя в других отношениях они имеют неоспоримые преимущества.

Особенно необходимо следить за сохранением армий в период длительного мира, потому что тогда существует наибольшая вероятность того, что они придут в упадок. Важно пестовать боевой дух в армиях и проявлять его в больших маневрах, которые, хотя лишь отдаленно напоминают действия в настоящей войне, все же, несомненно, полезны для армий в их подготовке к войне. Не менее важно не давать армиям расслабиться, что может быть сделано использованием их на работах, нужных для обороны страны.

Обособление в войсковых гарнизонах по полкам является наихудшей из возможных систем, и русская и прусская система по дивизиям и постоянным армейским корпусам представляется более предпочтительной. В общих чертах русская армия в настоящее время может быть представлена как образец во многих отношениях, и если во многих пунктах ее традиции были бы бесполезны и непрактичны где-либо еще, следует признать, что многие хорошие установления вполне могут быть у нее переняты.

Что касается наградений и продвижения по службе, то

они весьма существенны и как дань уважения за долгое служение стране и в то же время должны открывать путь наверх перспективным военным. Три четверти продвижений должны заполнять реестр для каждого звания, а одна четверть должна быть зарезервирована для тех, кто отличается особыми доблестью и усердием. И наоборот, во время войны обычная очередность присвоения званий должна быть приостановлена либо, по крайней мере, сокращена до трети продвижений, чтобы две трети оставались для награждения за примерные доблесть и отличную службу.

Превосходство в вооружениях может увеличить шансы на успех в войне, само по себе оно не выигрывает сражения, но это важнейший элемент успеха. Каждый может вспомнить, как почти гибельным для Франции при Прейсиш-Эйлау (1807) и Маренго (1800) было ее большое отставание в вооруженности артиллерией. Мы можем также обратиться к огромным успехам тяжелой французской кавалерии при возрождении кирас, от которых она до этого отказалась на столь долгое время. Всем известно огромное преимущество пики. Несомненно, в небольших столкновениях вооруженные пиками уланы не будут более эффективными, чем гусары, но при атаке в шеренге дело принимает совсем другой оборот. Как много храбрых кавалеристов стало жертвами предубеждения, которое они имели в отношении пики, потому что носить ее несколько более обременительно, чем саблю!

Вооружение армий все еще может быть подвержено боль-

шим изменениям, государство, которое возьмет на себя ведущую роль в том, чтобы произвести более совершенное вооружение, приобретет для себя огромные преимущества. Все еще оставляет желать лучшего артиллерия, но наступательное и оборонительное вооружение пехоты и кавалерии также заслуживает внимания предусмотрительного правительства.

Новые изобретения последних двадцати лет, похоже, грозят большой революцией в организации армии, вооружениях и тактике. Одна только стратегия останется неизменной, с теми же ее принципами, как и при Сципионах, Цезаре, Фридрихе и Наполеоне, поскольку они не зависят от характера вооружений и организации войск.

Средства разрушения приближаются к идеалу с ужасающей быстротой. (Напомним, что с тех пор гений изобретательства века неуклонно направлялся на совершенствование огнестрельного оружия. Артиллерия, которая считалась почти совершенной, конечно, претерпела важные изменения, а повышенная эффективность стрелкового оружия не менее заметна. В то же время мы ничего сейчас не слышим о паровых пушках Перкинса; и пока что ни одна цивилизованная армия не организована по плану, который предлагает автор для того, чтобы лишить эти машины разрушения их эффективности. – *Пер.*) Ракеты Конгрева (в конце XVIII в. индийцы применили против англичан ракеты массой от 3 до 6 кг с железной гильзой и бамбуковой палкой-стабили-

затором. Эти ракеты усовершенствовал английский полковник У. Конгрев, и они использовались в англо-датской войне 1807–1814 гг., Лейпцигском сражении 1813 г. и при Ватерлоо в 1815 г. В России в 1814–1817 гг. И. Картмазов и А.Д. Засядько разработали 2–2,5-и 4-дюймовые фугасные и зажигательные ракеты с дальностью полета 1,5–3 км. Ракеты успешно использовались русскими в войнах 1828–1829, 1853–1856, 1877–1878 гг.; позже, в связи с развитием нарезной артиллерии, интерес к ракетам в армиях мира снизился до конца 1920—1930-х гг. – *Ред.*), эффективность и направление которых, говорят, теперь можно регулировать, гаубицы, которые выстреливают картечь на расстояние полета пули (шрапнельные снаряды. – *Ред.*), паровая пушка Перкинса, которая извергает столько же ядер, как и батальон, множат шансы на разрушение, как будто гекатомбы Прейсиш-Эйлау, Бородина, Лейпцига и Ватерлоо недостаточно для истребления европейских народов.

Если правительства не выступят единым фронтом на конгрессе с тем, чтобы осудить и запретить эти разрушительные изобретения, не останется ничего другого, кроме как сделать половину армии состоящей из кавалерии с кирасами, для того чтобы захватывать на большой скорости эти машины. Пехота будет даже благодарна за возвращение к своему оружию Средних веков, без которых батальон будет уничтожен, прежде чем вступит в бой с противником.

Мы опять увидим знаменитых воинов, закованных в бро-

ню, а лошадям также понадобится такая же защита. (Фантазии автора реализовались в XX в. в танках. — *Ред.*)

В то время как есть сомнение насчет реализации этих опасений, однако же, определенно артиллерия и взрывное дело ушли вперед, что приводит нас к необходимости подумать об изменении глубокого построения, которым так злоупотреблял Наполеон. Мы возвратимся к этому в главе о тактике.

Здесь мы вкратце подведем итог важнейших основ военной политики, которую следует принять мудрому правительству.

1. Государь должен получать образование, как политическое, так и военное. Вероятнее всего, он найдет людей с администраторскими способностями в своих советах, а не хороших политических деятелей или солдат, и поэтому он должен обладать качествами последних двух категорий людей.

2. Если государь лично не руководит своими армиями, его первостепенным долгом и ближайшим интересом будет обеспечение надежного замещения своего места в этом качестве. Он должен доверить безопасность своих владений (и царствования) военачальнику, который наиболее способен руководить его армиями.

3. Постоянная армия не должна всегда оставаться на одной незыблемой основе, а должна быть такой, которая может быть удвоена, если необходимо, за счет резервов, которые всегда должны быть наготове. Ее подготовка и дисциплина должны быть на высоте, как и ее организация; ее вооружение

должно быть по меньшей мере таким же хорошим, как и у ее соседей, и, если возможно, превосходить их.

4. Боевая техника должна быть в наилучшем состоянии и в большом количестве. Национальная гордость не должна становиться помехой на пути внедрения всевозможных совершенствований боевой техники, что делается в других странах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.